

Прочитав эти слова, Тао Лин не пошевелился. Похоже, что Вэнь Цинъин понял его ответ. Он медленно убрал руку и выключил телефон.

Через некоторое время Тао Лин поднял голову. Когда он увидел на лице Вэнь Цинъина искреннее выражение, на него снова нахлынуло то неопределимое удушающее чувство. Опасаясь, что его настроение испортится еще больше, он улыбнулся и напечатал: «Лучше мне завтра туда не ходить. Мне все еще нужно отредактировать и отправить статью, так что в следующие несколько дней я буду этим заниматься».

Получив ответ, Вэнь Цинъин приподнял уголки губ и кивнул.

Тао Лин вошел в жилой комплекс. Даже после того, как он поднялся наверх, плохое настроение все равно не ушло. Войдя в квартиру и скинув обувь, он почувствовал, как внутренняя усталость в нем достигла своего предела.

Словно шелковая нить, его обмотало какое-то уныние. Даже дыхание у него потяжелело. Тао Лину казалось, что его несет в толще водного потока, и он не в силах коснуться ни воды, ни воздуха. С тех пор, когда он последний раз так себя чувствовал, прошли столетия.

Тао Лин слишком устал, чтобы принимать душ. Он рухнул на диван, а затем устался на иссохшие и посеревшие стебли в тазике для умывания. Он все смотрел и смотрел на них, пока не заснул еще до того, как это понял.

Когда он проснулся, было три часа ночи. Он принял душ и не спал до рассвета.

С первыми лучами утреннего солнца Тао Лин встал со стула в кабинете, потянулся и пошел варить кофе. Подойдя к окну, он раздвинул шторы. Бросив мимолетный взгляд, он случайно увидел луч света, прорезавший затуманенный горизонт. Нижняя часть неба была серовато-голубой, а верхняя – уже залита белым.

Кабинет был комнатой с лучшим освещением во всей квартире. За французским окном располагался балкон. Когда Тао Лин вчера проснулся рано поутру и заметил, что погода будет хорошей, он перенес туда китайские розы.

Ветер поздней осенью дул издали, отчего нежные лепестки цветов танцевали в воздухе. Тао Лин вышел на балкон и присел на корточки, чтобы осмотреть горшок с крохотными цветами и понять, почему же они так красиво цветут.

Окинув одним взглядом пейзаж, он мог видеть всходящее над горизонтом солнце, его лучи, заливающие здания и оставляющие яркий след на цветах. Это напоминало выброшенную на все окружающее вуаль, но эта вуаль не скрывала, а напротив, увеличивала красоту мира.

Тао Лин протянул руку, чтобы поймать луч солнца. На его ладони тоже появилась светящаяся

лента. Глупо уставившись на нее на мгновение, он внезапно встал на ноги.

Он слишком долго сидел, нагнувшись, и от этого у него закружилась голова. Выдержав прилив головокружения, Тао Лин бросился в ванную, чтобы умыться.

Выйдя из ванной, Тао Лин подумал, что сходит с ума. Спускаясь в метро, он подумал, что точно сошел с ума. Садясь в автобус, Тао Лин думал, что стопроцентно, абсолютно не в своем уме.

Войдя на кладбище, Тао Лин подумал, что уже неизлечим.

Он поднялся по лестнице, перепрыгивая сразу через три ступеньки. Солнце уже полностью взошло, и небо было таким же ясным, как обычно. Сегодняшний день не был каким-то особым, поэтому вокруг царил пустая тишина.

Тао Лин расстегнул молнию на куртке. Его сердце билось, как барабан.

Но вовсе не потому, что он был измотан.

Хотя надгробие на могиле матери Вэнь Цинъина располагалось немного выше по склону, на самом деле оно находилось ближе к главной дорожке. Тао Лин на мгновение заколебался. В конце концов он приложил все усилия, чтобы вспомнить дорогу и свернул за кустами туи.

Еще до того, как полезть в кусты, Тао Лин сообразил, что ему не повезет, если он неверно определит местоположение. Но когда он увидел это заброшенное надгробие, сердце у него сжалось, как и прежде.

Тао Лин глубоко вздохнул. Пока его сердцебиение постепенно возвращалось к норме, он думал, что не только неизлечим, но и попросту смехотворен.

Вэнь Цинъин уже побывал здесь. Перед надгробием уже стоял букет белых китайских роз, их лепестки были свежими и яркими. На мгновение успокоившись, Тао Лин подошел к могиле и сделал цзои. [Прим. англ. пер. Цзои – древнекитайский способ приветствия – поклон со сложенными перед собой руками.]

Несколько успокоившись, он срезал дорожку и пробрался через кусты к могиле Тао Цзюня. Идя по лужайке, он случайно наткнулся на кустик череды, из-за чего брюки у него покрылись пучками темных шипов. Выйдя на горизонтальную дорожку, Тао Лин наклонился, чтобы выбрать из ткани колючки. Но как только он закончил их вытаскивать, в поле его зрения вдруг оказалась пара ног.

У Тао Лина на секунду остановилось сердце. Он разжал два пальца и последний шип упал их них, как перышко. Тао Лин поднялся и увидел стоящего перед ним Вэнь Цинъина с его кристально ясными глазами.

Мысли Тао Лина быстро побежали по двум направлениям: он подумал, что его вероятно, не поймали, пока он спускался вниз, и в то же время на лице у него появилась слабая улыбка.

Увидев, что Тао Лин улыбается, Вэнь Цинъин подошел поближе и тоже улыбнулся. Он поднял телефон, на экране которого светился вопрос: «Почему мистер сегодня пришел?»

Тао Лин подавил свое бьющееся сердце, выудил из кармана телефон и ответил: «Вчера я довольно долго не ложился спать, чтобы закончить свою работу. У меня не было особых планов на сегодняшнее утро, поэтому я просто отправился сюда».

Закончив читать, Вэнь Цинъин напечатал: «Какое совпадение. Вы – ранняя пташка, поэтому я думал, что вы уже ушли». Улыбаясь, Вэнь Цинъин показал свои клыки. Вместо ответа он повернулся боком, пропуская Тао Лина на тропинке.

Дорожка была узкой. Тао Лин кивнул – когда он проходил мимо, его собственное плечо оказалось в нескольких сантиметрах от груди Вэнь Цинъина. На мгновение он почти ощутил, как столкнулись потоки тепла от их тел.

Пройдя немного вперед, Тао Лин сразу же увидел, что перед надгробием Тао Цзюня тоже лежит букет цветов. Это были китайские розы. Внешние лепестки бутонов казались зеленоватыми, ранним утром они оживляли собой атмосферу поздней осени.

Когда он оглянулся, выражение лица у Вэнь Цинъина было крайне спокойным – как будто подарить Тао Цзюню букет цветов было естественным и правильным поступком. Тао Лину не было нужды даже что-то говорить.

Постояв какое-то время перед надгробием, Тао Лин присел на корточки, погладил цветы, а затем коснулся памятника.

Тао Цзюнь, что же мне делать?

Лицо Тао Лина не выражало ничего, хотя сердце у него металось туда-сюда. В конце концов, все вернулось к тишине.

Однако это было в точности то же самое, что он сам сказал Вэнь Цинъину о традициях. Несмотря на то, что шум волн утих, и вокруг царила спокойная умиротворенность, она не была той же самой, что и прежде.

Когда он поднялся на ноги, солнце стояло уже высоко. С кладбища они вышли вместе. Их обдувал сильный ветер. Погода была настолько ветреной и холодной, что хотелось закрыть глаза.

В отличие от прошлого раза, Вэнь Цинъин не упомянул о поездке в Шэннунсян и не стал

спрашивать Тао Лина о его планах. Он просто шел рядом, как будто ему было все равно, куда идти. Хотя Тао Лин определенно не стал бы заводить его в неожиданные места.

В итоге они вместе сели на автобус, а потом пересели на метро. Всю поездку Тао Лин был полностью поглощен своими мыслями. Подойдя к цветочному магазину, Тао Лин остановился на тротуаре и спросил:

- Вы открываете магазин?

Вэнь Цинъин опустил голову и напечатал на телефоне, отвечая вопросом на вопрос: «Мистер, не хотите ли со мной пообедать?»

Подумав немного, Тао Лин скрипнул зубами и написал: «Вы не собираетесь обедать со своей девушкой?»

Закончив читать этот вопрос, Вэнь Цинъин в легком изумлении моргнул. Он бросил взгляд на Тао Лина и написал: «Но у меня нет девушки».

Ответ был простым и прямым. Тао Лин взглянул на выражение его лица. Либо он говорил правду, либо был слишком искусным лжецом. Из этих двух вариантов почти сразу же, не задумываясь, Тао Лин выбрал первый.

Но когда Тао Лин снова об этом задумался, в его памяти всплыло то фото, которое он видел на форуме. Он хотел задать Вэнь Цинъину вопрос, но не решился это сделать. Если бы он спросил, то в конце концов стал бы походить на любителя подглядывать за соседями.

Еще до того, как он успел продолжить эту мысль, перед его глазами снова появился мобильный телефон Вэнь Цинъина: «Мистер? У меня есть еще пара вопросов, которые я хотел задать. Могу я пообедать с вами?»

Листья деревьев Утун увяли и создавали меланхоличное настроение, но как только на них падал великолепный солнечный свет, перед глазами людей появлялась какая-то нежная мягкость.

В точности, как и Вэнь Цинъин.

После долгого, но и одновременно короткого колебания Тао Лин написал предложение: «Я свободен до конца выходных».

В прошлый раз они говорили о промежуточных конгрегациях даосизма в средневековом Китае. Пообедав, они вернулись в цветочный магазин. Вэнь Цинъин опустил на двери рольставню, включил свет и достал блокнот, в котором было записано несколько ключевых вопросов.

Прочитав его размышления, Тао Лин начал печатать у себя на телефоне: «Идея «саморелигии» на самом деле не противоречит идее религиозных групп. В даосских школах привыкли использовать определенный тип художественного выражения, и даосу, для того чтобы сформировать свою группу, приходится полагаться на религиозный опыт».

Когда Тао Лин дописал до этого места, он искоса взглянул на Вэнь Цинъюина. Казалось, что тот только что испытал момент озарения. Он подошел поближе и схватил свой телефон, чтобы ответить: «Теперь я понимаю: религиозный опыт помогает даосам собираться в группы. Внутри группы существует ядро, которым являются медиумы. Медиумы – это столпы религиозного опыта при создании школы».

Тао Лин улыбнулся.

«Верно, именно это и есть проблема принятия в религиозном опыте».

«Исследования Мартина Бубера показали, что самым большим отличием религии от колдовства является то, что религия стремится установить между человеком и богом отношения «Я – Ты». Ядром таких отношений является «столкновение личностей».

Когда он снова поднял глаза, то увидел, как Вэнь Цинъюин смотрит на него пылающим взглядом. Сердце Тао Лина пропустило удар. Он спросил:

– Что-то не так?

Вопрос был задан вслух, но Вэнь Цинъюин без труда понял его смысл.

Вэнь Цинъюин сжал губы и напечатал несколько строк: «Мистер, если кто-то хочет установить такие личностные отношения с другим человеком, значит ли это, что между ними возникла религия?»

Примечание автора.

«Столкновение личностей». Как говорит справочник, это из идей Мартина Бубера. [Прим. пер. Еврейский философ-экзистенциалист 1 половины XX века, основатель сионизма.]

«Саморелигия» – термин религиоведения. Я видела много информации о нем в трудах Уильяма Джеймса.

Примечание анлейтера. Прямо скажем, я не особо обращала внимание на религиозные фрагменты, когда читала «Бессонницу» в первый раз. (Это как заново пойти изучать историю,

ха-ха). Но переводить эту главу было очень интересно! В итоге я прочила больше PDF Мартина Бубера, чем мне это когда-либо может понадобиться в жизни, лол. Но это так хорошо совпадает как с Тао Лином, так и с Вэнь Циньбином.

Как сказал другой читатель, «Ты - моя единственная вера, а я - твой единственный последователь».

«Новый тип религии возникает в межличностных отношениях, поэтому и я обрел новый смысл жизни».

<http://bllate.org/book/13907/1225714>